

© М. В. ПОДДУБНЫЙ, 2007
УДК 614.2:93(470+571)

М. В. Поддубный (Москва)

МОСКОВСКИЙ ГОСПИТАЛЬ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Периоду гражданской войны (октябрь 1917 г. — октябрь 1922 г.) в историографии Московского госпиталя (ныне Главный военный клинический госпиталь им. акад. Н. Н. Бурденко) отведено скромное место. Имеющиеся публикации в основном затрагивают деятельность Высшей медицинской школы в стенах госпиталя (1919—1923 гг.)¹ и работу Ликвидационной комиссии госпиталя (1918 г.)². Целью данной статьи является характеристика различных сторон жизни крупнейшего и старейшего (в июне 2006 г. Главный военный клинический госпиталь им. Н. Н. Бурденко отметил

свое 300-летие) военно-лечебного учреждения России на переломном этапе истории страны.

Возраставшая с начала 1917 г. дезорганизация всех сторон жизни, усугубившаяся после отречения Николая II от престола, не могла не затронуть госпиталь. "После мартовского переворота в госпитале стал управлять делами Госпитальный комитет, — отмечалось в изданном в 1918 г. отчете Ликвидационной комиссии. — Делопроизводство его сохранилось и вполне характеризует ту эпоху, когда лишенная дисциплины, неопытная в ведении общественного дела и не имевшая добросовестных умелых руководителей толпа начала разрушать и без того плохо налаженный административный аппарат госпиталя. ...Эта растерянность еще заметнее стала после октябрьского переворота, когда хозяйственный комитет перестал функционировать, хотя и не имел на это никакого официального права"³.

¹Краткая история Московского коммунистического военного госпиталя / Отв. ред. А. М. Крупчицкий. — М., 1943. — С. 36—43; Крупчицкий А. М. Первенец русской медицины. — М., 1958. — С. 102—105; Главный военный госпиталь / Под ред. Н. Л. Крылова. — М.: Воениздат, 1985. — С. 53—57; Ключев В. М., Абашин В. Г., Ипатов П. В. Высшая медицинская школа в стенах Московского военного госпиталя // Воен.-мед. журн. — 2002. — Т. 323, № 2. — С. 68—72.

²Ключев В. М., Абашин В. Г., Дронин Д. М. Московский военный госпиталь в 1918 году // Воен.-мед. журн. — 2001. — Т. 322, № 6. — С. 69—74.

³Отчет Ликвидационной комиссии Московского генерального военного госпиталя. — М., 1918. — С. XI.

Вплоть до 7 ноября 1917 г. (по старому стилю) приказы по госпиталю подписывал главный врач — занимавший эту должность с 24 июля 1917 г. статский советник Ф. И. Мигай. Затем возникло двоевластие: часть приказов подписывал главный врач, часть — "комиссар солдат", каковым первоначально являлся солдат госпитальной команды Шупилкин. По его приказу № 335 от 28 ноября 1917 г. предписывалось "упразднить все чины, а также знаки отличия и зачислить всех на одинаковое жалованье, кроме тех, которые оказались избранными на какие-либо ответственные должности"⁴. Согласно протоколу заседания "командного комитета" госпиталя от 27 ноября, более 100 выборных должностей в нем были замещены солдатами госпитальных команд, что зафиксировал приказ по госпиталю от 8 декабря 1917 г.⁵ В их числе оказались не только взводные, палатные надзиратели, писари и их помощники, но и "старший по хлебопекарке", старшие маляр, мыловар, садовник, конюх и даже "старший свинятник" (хозяйство госпиталя включало небольшой свиноводческий).

Итог деятельности подобной "солдатской республики" был предопределен: во главе "комитета" сменяли друг друга люди с уголовным прошлым, имущество расхищалось, сложное хозяйство госпиталя разрушалось.

Но и на таком фоне он продолжал функционировать как крупнейшее военно-лечебное учреждение. Список врачей госпиталя от 16 мая 1918 г. открывает главный врач (до 20 июня 1918 г.) Илья Павлович Ильин — доктор медицины, выпускник Военно-медицинской академии 1884 г. Всего в штате на данный момент имелись 42 военных врача в возрасте от 28 до 66 лет, из них кадровых — 18, из запаса — 24, штатных — 12, прикомандированных — 30. Большинство врачей из этого штата (24 человека) являлись выпускниками медицинского факультета Московского университета, окончили Военно-медицинскую академию 8 человек, остальные имели врачебные дипломы различных российских университетов. Согласно графе "Сколько времени был на фронте", 30 врачей из списка провели на фронте от 4 до 43 нед. По национальности данный врачебный состав включал 36 русских, 3 евреев, 2 армян и 1 поляка⁶.

С анархией конца 1917 г. — начала 1918 г. пришлось бороться новой большевистской власти. С 17 мая 1918 г. согласно приказу Московского областного комиссариата по военным делам госпиталь был закрыт на ремонт, часть служащих и солдат уволены или демобилизованы. Оставшиеся 103 пациента были переведены в дислоцированный в Москве Бобруйский военный госпиталь⁷. Вплоть до 30 августа управление госпиталем осуществляла Ликвидационная комиссия под председательством главного врача Белостокского госпиталя Е. Н. Малютина, сотрудники которой передавали дела и имущество новому штату до 15 сентября 1918 г.

К концу 1918 г. двоевластие в управлении госпиталем приняло иные формы: в Красной Армии к

этому времени появился институт политических комиссаров. Первым таким комиссаром в госпитале был некто Таубер, судя по всему, личность крайне левых политических убеждений. В отчете обследовавшей деятельность госпиталя в начале 1919 г. комиссии Московского окрвоенкомиссариата отмечено "несоответствие своему назначению политического комиссара тов. Таубера, который незаконно вмешивался в административное и хозяйственное управление госпиталя, поставил себя в обостренные отношения с персоналом, обнаружил самовольное и даже преступное расходование продуктов, полученных для больных..."⁸.

Приказом военного комиссара Московского округа Муралова от 14 января 1919 г. Таубер на должности комиссара госпиталя был заменен В. А. Урасовым. Вполне вероятно, что причиной этого приказа послужили самовольные действия госпитального комиссара по переименованию учреждения.

Как известно, в дни празднования 200-летнего юбилея госпиталя в конце 1907 г. он получил название "Московский генеральный Императора Петра I военный госпиталь", однако после февральской революции в официальном наименовании слова "Императора Петра I" опускались, а на печатях и штампах зачеркивались.

Но даже такое "умеренное" название не устроило политического комиссара. 12 декабря 1918 г. им был единолично подписан приказ № 30 по госпиталю, согласно которому "на основании постановления общего собрания коммунистов и сочувствующих, с 15-го Декабря с. г. Московский Генеральный Военный Госпиталь будет называться "Первым Красноармейским Коммунистическим Госпиталем"⁹.

Также 12 декабря датирован рапорт главного врача госпиталя Г. Г. Ликуди начальнику Московского окружного военно-санитарного управления (ВСУ) с просьбой о получении от окружного комиссара по военным делам разъяснения по существу прилагаемого "приказа № 30" политкомиссара. "К изложенному доношу, — отмечалось в рапорте, — что в упоминаемом общем собрании по госпиталю участвовало всего 20—25 человек служащих"¹⁰.

Не получив ответа, главный врач 19 декабря направил начальнику окружного ВСУ новый рапорт с пометкой "спешно": "вторично прошу указания Вашего, как поступать администрации госпиталя ввиду появившейся вчера, 18 декабря, по распоряжению военного комиссара Таубера на воротах Московского Генерального военного госпиталя вывески-плаката "1-й Коммунистический Красноармейский госпиталь"¹¹.

Первоначальный ответ начальника ВСУ на эти запросы был неопределенным: "госпиталь может быть переименован по возбуждению об этом ходатайства по команде"¹². Определенный ответ последовал 3 января 1919 г. в форме телефонограммы окружного ВСУ, на основании которой приказ по госпиталю № 4 от 4 января 1919 г. объявлял персоналу, что "Приказом Московского Окружного

⁴Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 1714, оп. 1, д. 6, л. 333 об.

⁵Там же, л. 340—340 об.

⁶Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 19032, оп. 1, д. 24, л. 50—55.

⁷Там же, д. 19, л. 1.

⁸Там же, л. 329, л. 46 об.

⁹Там же, д. 63, л. 21.

¹⁰Там же, л. 20.

¹¹Там же, л. 22.

¹²Там же, л. 23 об.

Комиссариата по военным делам № 1681 1918-го вверенный мне госпиталь переименовывается в 1-й Красноармейский Коммунистический госпиталь (бывший Генеральный Военный)"¹³.

Уже 25 января 1919 г. за подписями главного врача и комиссара госпиталя был оформлен заказ на изготовление каучуковой печати с новым официальным названием учреждения — "Первый Красноармейский Коммунистический бывший Генеральный военный госпиталь"¹⁴. Это название просуществовало до 1927 г., когда приказом по госпиталю от 2 февраля к нему добавилось прилагательное "московский"¹⁵.

Одновременно с переименованием госпиталя в начале 1919 г. была закрыта госпитальная церковь, что стало еще одним "знаковым" событием этого периода. Как и в первом случае, мнение немалой части сотрудников госпиталя не учитывалось, о чем свидетельствуют документы.

В рапорте от 21 июня 1919 г. на имя начальника окружного ВСУ главный врач В. Д. Коноплянкин предоставлял начальству "копию списка лиц, изъявивших желание об оставлении Госпитальной церкви"¹⁶.

Сохранившийся в архиве список включает 230 фамилий и столько же подписей на этом ходатайстве¹⁷. Цифра немалая, и если учесть, что весь персонал включал на тот момент 1064 человека¹⁸, свою подпись под такого рода оппозиционной бумагой поставил каждый четвертый из работавших в госпитале.

В ответ на этот запрос юридический отдел Московского окркомиссариата по военным делам письмом от 30 июня 1919 г. разъяснил, что "если церковь помещается в отдельном специально для этой цели приспособленном здании, то последнее может быть предоставлено Военным Ведомством коллективу верующих, если последний будет предварительно зарегистрирован местным Советом..." Черту под историей с закрытием церкви подводит размашистая резолюция главного врача на этом письме: "4.VII. К делу. Т. к. отдельного помещения специально для церкви в госпитале нет — оставление церкви невозможно"¹⁹.

В критический для госпиталя период гражданской войны учреждение не прекращало функционировать, выполняя ключевую роль в системе эвакуационного лечения раненых и больных, продолжая оказывать медицинскую помощь также и военнопленным. "Приемная книга военнопленных" зафиксировала, что в 1917 г. в госпитале проходили лечение 1102 военнопленных (в основном австрийской и германской армий), в январе—апреле 1918 г. — 314 человек²⁰.

На госпиталь в этот период возлагалась и обязанность захоронения трупов, подвозимых из различных госпиталей и эвакуационных пунктов Москвы, для чего использовалось находившееся в полутора верстах и подчиненное госпиталю Семеновское солдатское кладбище. Выполнение этой скорбной

миссии также требовало от персонала немалых усилий, что можно понять из телефонограмм в адрес начальника Московского эвакуационного пункта. От 6 декабря 1918 г.: "В течение сегодняшней ночи в госпиталь доставлены трамваем 116 трупов при 5 санитарях, разгрузка задержалась до утра и вызвала нарекания прохожих"; от 13 декабря 1918 г.: "Сообщаю, что сегодня прибыло 128 трупов, благодаря отсутствию рабочих рук разгрузка затянулась за полдень"²¹.

Объективные трудности усугублялись социальными конфликтами в среде сотрудников госпиталя и текучестью кадров. Типичная конфликтная ситуация возникла, например, в декабре 1918 г., когда несколько служащих типографии госпиталя, "как стоящие всецело на платформе Советско-Пролетарской Республики и защиты трудящихся против угнетателей-интриганов", подали военному комиссару жалобу на "недемократическое отношение" к ним заведующего типографией М. М. Годенко²². Несмотря на то что конфликт активно подогревался военным комиссаром госпиталя Таубером, дело ограничилось последующим снятием своих подписей под жалобой большинством обвинителей и добровольным уходом заведующего со своего поста с характерным объяснением: "Товарищи, если я и делал напоминания рабочему, то я считал, что это моя прямая обязанность, так как, к сожалению, не все понимают и сознают свой гражданский долг"²³.

Причиной высокой текучести кадров в госпитале в 1917—1921 гг. была общая нестабильность в стране. Только главных врачей за описываемый пятилетний период в госпитале было 8 или 9. Увольнения персонала низового звена, как правило, проводились списками, чаще всего с формулировками за "неприбытие из отпуска", "самовольную отлучку", "неявку на работу". Бывали и иные причины; например, санитарка А. Михайлова распоряжением военкома госпиталя от 20 июня 1919 г. была уволена "за пропаганду против Советской власти"²⁴.

В июле 1918 г. госпиталь содержался по штату еще 1895 г. на 1555 пациентов. К концу 1918 г. число штатных мест составляло 1640, в январе 1919 г. по распоряжению окружного ВСУ эта цифра должна была увеличиться до 2460 коек²⁵. Согласно отчету начальника госпиталя, в сентябре 1919 г. в госпитале реально имелись 2252 койки, из которых в терапевтическом отделении — 765, в хирургическом — 380, в венерическом, глазном и кожном — по 100, в сифилитическом — 112, в женском — 42, в отделении заразных болезней — 230, в психиатрическом отделении — 125, в нервном — 75, в изоляционном — 53, в арестантском — 42, в ушном — 128²⁶. В продолжении описываемого периода емкость госпиталя неоднократно изменялась распоряжениями окружного ВСУ. Например, приказом по госпиталю от 10 августа 1921 г. помощнику по медицинской части предписывалось "увеличить число действующих коек сверх положенных 1300

¹³ Там же, д. 16, л. 57.

¹⁴ Там же, д. 63, л. 17.

¹⁵ Там же, д. 286, л. 109.

¹⁶ Там же, д. 63, л. 139.

¹⁷ Там же, л. 141—142 об.

¹⁸ Там же, д. 61, л. 439.

¹⁹ Там же, д. 63, л. 138.

²⁰ РГВИА, ф. 1714, оп. 1, д. 33.

²¹ РГВА, ф. 19032, оп. 1, д. 61, л. 278, 280.

²² Там же, д. 60, л. 101.

²³ Там же, л. 113.

²⁴ Там же, л. 306.

²⁵ Там же, д. 61, л. 75—76.

²⁶ Там же, д. 331, л. 15.

на 600", другой приказ от 15 ноября 1921 г. отменял предыдущий, увеличивая число коек с 1300 до 1500²⁷.

Перемены мало касались только штата госпиталя, на март 1919 г. включавшего 1064 человек, из которых врачей было 51, лекарских помощников — 61, сестер милосердия — 53, хозяйственного персонала с канцелярией — 46, санитаров — 467, санитарок — 312, прачек и швей — 74²⁸. Часть персонала, особенно санитары и санитарки, неоднократно командировались в составе санитарных поездов на фронт.

Реальные трудности, которые приходилось преодолевать персоналу, были общими для других лечебных учреждений и всей страны: голод, холод, отсутствие электроэнергии, недостаток воды, медикаментов, отсутствие возможности вести необходимую научную работу и т. д. Так, в рапорте главному врачу заведующего 2-м терапевтическим отделением от 10 декабря 1918 г. сообщалось, что "больные, поступающие в отделение из приемного покоя, не моются ни в ваннах, ни под душами, приносят с собой в отделение свою одежду и грязное белье, что вызвало уже появление вшей ...питание больных крайне недостаточно"²⁹.

Согласно еженедельной ведомости госпиталя, на 15—22 февраля 1919 г. запас топлива в нем отсутствовал, из продовольствия имелся только запас муки³⁰. Поступавшие продукты часто оказывались негодными. Так, по акту от 21 марта 1919 г. были уничтожены "недопустимые к употреблению в пищу" 32 пуда воблы сухой и 56 пудов соленого судака³¹.

Постоянные перебои в электроснабжении усугублялись нехваткой простых электролампочек, вследствие чего, например (согласно рапорту главного врача от 27 декабря 1921 г.), в 1921 г. не освещалось "большинство палат, занятых тяжелыми инфекционными больными, коридоры, лестницы и даже уборные". "Положение с освещением с каждым днем все хуже и хуже, — сообщалось в завершении рапорта. — Скоро все помещения будут погружены во мрак, что грозит большим осложнением"³².

Резко ухудшились и возможности научной работы сотрудников госпиталя, поскольку часть аппаратуры была уничтожена и расхищена в период анархии конца 1917 г. — начала 1918 г., а необходимые химикаты и реактивы не поставлялись до конца гражданской войны.

Нерешенной проблемой оставался квартирный вопрос в отношении сотрудников госпиталя, 80% которых жили в частных квартирах на окраине Москвы. Неоднократно прекращавшееся в 1918—1920 гг. трамвайное сообщение вынуждало госпиталь просить вышестоящие инстанции о выделении лошадей и обозов для перевозки персонала, однако такие обращения редко достигали цели.

В рапорте от 30 января 1919 г. главный врач Г. Г. Ликуди докладывал начальнику окружного ВСУ о том, что "в течение последних двух недель прихо-

дится констатировать отсутствие на местах более 20% служащих всех категорий..."³³. Из имевшихся на тот момент 36 врачей 26 человек проживали в удаленных от госпиталя районах Тверской и Арбата. В рапорте предлагалось прикомандировывать к госпиталю врачей других госпиталей, живущих вблизи Лефортова.

На фоне усложняющейся эпидемиологической обстановки существенно возрастал поток инфекционных больных и приказ московского окркомиссара по военным делам от 4 февраля 1920 г. предписывал "1-й Красноармейский Коммунистический госпиталь считать ответственным под острозаразных (тифозных) больных с 1 февраля с. г."³⁴.

Переподчинение госпиталя в 1919—1921 гг. в административно-хозяйственном отношении начальнику эвакуационного пункта Московского района (региона) не решало ни одной из перечисленных проблем. На госпиталь периодически возлагались новые, не свойственные ему функции, что отражено в письме за подписями главного врача и военного комиссара госпиталя начальнику Московского эвакуационного пункта (1919 г.): "Вверенный мне госпиталь, как один из величайших в Республике, страшно перегружен своей работой и выполнять функции другого учреждения не в состоянии..."³⁵.

Несмотря на перечисленные трудности, персонал госпиталя справлялся с выполнением возложенных на него задач. Характерна резолюция главного врача Г. Г. Ликуди на рапорте завхоза госпиталя от 21 мая 1919 г. о том, что во время ночного обхода нескольких санитаров и санитарок застали спящими: "Объявить в приказе по Госпиталю настоящий рапорт, вменяя в обязанность консультантам, ординаторам обращать усиленное внимание на воспитание чувства долга в младшем персонале по отношению к больным и докладывать впредь мне или помощнику моему о каждом отдельном случае небрежного исполнения обязанностей по уходу за больными"³⁶.

Свидетельством добросовестности персонала госпиталя являются и сохранившиеся жалобы пациентов. Например, пространная жалоба "красноармейца, коммуниста с 1917 года" от 11 октября 1920 г. фиксирует только недостатки в работе цейхгауза, слишком частое мытье полов в отделениях и "невнимательность нянек"³⁷. Комментарием к последнему может служить подшитый в этом же архивном деле протокол собрания служащих госпиталя от 12 сентября 1920 г., согласно которому "дрова для нужд отделений приходится носить няням на себе"³⁸.

Работа персонала госпиталя неоднократно получала высокую оценку как проверяющих комиссий, так и Главсанупра Красной Армии. Например, в приказе Московского окружного ВСУ от 4 декабря 1920 г. сообщалось, что "произведенной 11 октября с. г. ревизией аптеки 1-го Красноармейского Коммунистического госпиталя установлено блестящее санитарное и общее состояние помещений, занимаемых аптекой, и образцовая постановка всех

²⁷ Там же, д. 122, л. 245—246.

²⁸ Там же, д. 61, л. 438—439.

²⁹ Там же, л. 577.

³⁰ Там же, л. 291.

³¹ Там же, л. 415.

³² Там же, д. 123, л. 6.

³³ Там же, д. 63, л. 25.

³⁴ Там же, д. 68, л. 10.

³⁵ Там же, л. 221.

³⁶ Там же, д. 6, л. 429-а.

³⁷ Там же, д. 121, л. 53—54.

³⁸ Там же, л. 52.

дел аптеки..."³⁹. Подписанный З. П. Соловьевым приказ по военно-санитарному ведомству за № 52 от 19 марта 1920 г. гласил: "Главврачу 1-го Коммунистического госпиталя д-ру Ливанову, всему персоналу госпиталя выражаю благодарность за безусловно добросовестные отношения к своим обязанностям и примерное выполнение гражданского долга, выразившееся в приведении госпиталя в образцовый порядок"⁴⁰.

Победы Красной Армии в 1919 г. — начале 1920 г. и стабилизация ситуации на фронтах позволили руководству страны приступить к наведению порядка, в том числе и в вооруженных силах. Уже в 1920 г. в выводах Комиссии по вопросам численности армии отмечалось, что "В Москве в настоящее время много госпиталей (постоянных, эвакуационных и запасных) — всего 42, которые, имея достаточно имущества, продолжительное время не развернуты по разным причинам, главным образом из-за недостатка помещений, или развернуты на неполное число коек"⁴¹. В июле 1921 г. в 1-й Коммунистический госпиталь были "влиты" Бобруйский и Виленский госпитали (с частью персонала).

В период голода в Поволжье сотрудники 1-го Коммунистического Красноармейского госпиталя

активно участвовали в оказании помощи голодающим. Согласно квитанциям, в сентябре 1921 г. для нужд "Помгола" от рабочих и служащих госпиталя поступил месячный оклад — 3 млн 924 тыс. руб., в октябре 1921 г. — 802 тыс., в апреле 1922 г. — 990 тыс. и 121 млн руб.⁴².

Действовавшая при госпитале "Комиссия Помгол" в начале 1922 г. открыла при нем Детский дом для голодающих детей Поволжья на 30—35 детей, просуществовавший около года⁴³.

Итак, коллектив госпиталя смог преодолеть испытания гражданской войны, оказав за это время необходимую медицинскую помощь тысячам пациентов, в том числе военнопленным. "Пусть в душе каждого, — говорилось в официальном приветствии администрации госпиталя его сотрудникам к 1 мая 1923 г., — ярко светит майское солнце сознания тех великих завоеваний, которые он достиг упорной борьбой в течение 5 лет"⁴⁴. Именно упорный, добросовестный труд сотрудников госпиталя в сложнейший период гражданской войны заложил основу поступательного развития ведущего военно-медицинского учреждения страны в последующее время.

Поступила 28.03.06

³⁹ Там же, д. 68, л. 185.

⁴⁰ Там же, л. 33.

⁴¹ Там же, л. 213.

⁴² Там же, д. 150, л. 3—7.

⁴³ Там же, л. 14.

⁴⁴ Первомайская газетка 1-го Красноармейского Коммунистического госпиталя. — 1923. — 1 мая. — С. 1.